

«КРАСНАЯ ЖАТВА»

«АЛЕКСЕЙ ГОРСКИЙ»

18+

Алексей Горский

Красная жатва

<https://litres.ru/74476593>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать шесть лет назад девятилетний Илья случайно забрёл в Глухариный лес и увидел то, чего не должен был видеть: костёр до неба, людей в красных балахонах, козлиные маски с пустыми глазницами и серп в руке человека с горелым лицом. Через неделю женщину, которую он знал с детства, нашли в овраге без головы. Милиция сказала – волки. Мальчик промолчал. И жил с этим молчанием всю жизнь – стараясь забыть, но не забывая ни на день.

Теперь ему двадцать восемь. Он журналист, пишет про секты и людей, которые исчезают без следа. И однажды ему звонит мать: его младшая сестра Лиза уехала в лагерь под Костромой. Лагерь называется «Дети Рогатого». Илья собирает рюкзак, кладёт в карман диктофон и нож и возвращается в деревню, где прошло его детство, – чтобы найти сестру, пока её не нашли в том же овраге.

То, что он увидит в чаще, окажется хуже любых детских воспоминаний.

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Алексей Горский

Красная жатва

Пролог

Я не хотел туда ехать. Ну то есть как не хотел. Мама позвонила в августе, я сказал что приеду, положил трубку и полчаса просидел глядя в стену. У меня как раз был завал на работе: три статьи, одна про налоговую, две про какую-то ерунду которую я даже не помню. Я сижу, у меня три статьи, дедлайн послезавтра, а я думаю про лес. Про то как мне девять лет было. Про запах. Дым и ещё что-то сладковатое, отчего я потом много лет не мог есть шашлык – меня от него мучило, а все думали что я просто капризный. И про звук. Я не знаю как его назвать. Барабаны это не барабаны. Это как если бьют по пустой бочке, но не в ритм, а как попало, и от этого становится ещё хуже, потому что ты ждёшь ритма, а его нет, и ты не знаешь когда всё кончится. Я потом двадцать шесть лет не мог слушать никакую перкуссию. Даже в рекламе. Даже когда по столу кто-то стучит. Меня передёргивало.

Я тогда в овраге сидел. Там на дне ручей, я промок насквозь, потому что сидел прямо в воде, и не мог выбраться, потому что стоит сделать шаг – затрещат ветки, а там слышно всё. Я сидел в воде. Девять лет. Октябрь. Я потом месяц

кашлял, мама водила меня к врачу, врач сказал – бронхит, прописал таблетки и сироп. Бронхита не было. Было вот это. Но я не мог сказать. Кто поверит девятилетнему пацану который ночью ушёл в лес и что-то там видел. Мне бы сказали – приснилось. И я бы сам себе сказал – приснилось. Только это был не сон. Во сне не бывает такого запаха. Во сне не бывает такого звука. Во сне ты не сидишь в холодной воде четыре часа и не считаешь минуты до рассвета.

Тётю Веру я толком не видел – только спину и руку. Она была в белом халате, как на работе, в сельпо. И в домашних тапках. Розовых, с помпонами. Я запомнил эти тапки, потому что они там были неуместны. В лес ночью в тапках не ходят. Я потом спрашивал у мамы – а тётя Вера сама пошла? Мама говорила – какая разница, сынок, её больше нет. И я не спрашивал больше. Но я знал что не сама. Её привели. Она шла и плакала. Она не сопротивлялась. Она просто шла и плакала. Значит она знала куда. Значит она согласилась. И это самое страшное – что взрослый человек может согласиться на такое. Я тогда этого не понимал. Я думал что взрослые всегда знают что делают. А потом понял что нет. Потом понял что взрослые вообще ничего не знают. И тогда мне стало ещё страшнее.

Потом я много лет убеждал себя что ничего не было. Может это был просто костёр, мальчишки баловались. Может тётя Вера умерла как-то иначе, а я достроил. Мозг достраивает, мне психолог так говорил. Я к нему попал в двадцать

три, когда начал пить. Не сильно, так, по выходным. Но мама заметила и отправила. Психолог был хороший, толстый, в очках. Он говорил – у детей фантазия, они объясняют непонятное тем чего не было. Он говорил – ты не виноват что не рассказал. Он говорил – ты был ребёнком. Я ему верил. Потому что хотел верить. Потому что иначе надо было признать что я двадцать лет носил в себе что-то, чему даже названия нет. И вот я кивал, пил таблетки, ходил раз в неделю, потом раз в месяц, потом перестал. И вроде всё. И вроде забыл. Но тапки я помню слишком отчётливо. Розовые, с помпонами. И то как она не сопротивлялась.

Мама позвонила в августе. Голос у неё был странный, я сразу понял что что-то. Она сказала – Лиза пропала. Моя младшая. Двадцать два года, училась на психолога, увлекалась всяким – медитацией, йогой, ретритами. Я над ней посмеивался. Говорил – иди работай, хватит искать себя. А она обижалась, говорила что я ничего не понимаю, что мир больше чем офис и зарплата. Я говорил – ну ок, не понимаю. И закрывал тему. Потому что я вообще не люблю такие разговоры. Потому что я сам ничего не нашёл и меня это бесило. Она поехала в какой-то лагерь под Костромой. Называется – Дети Рогатого. Я когда услышал это название, у меня руки похолодели. Я говорю – мам, повтори. Она повторила. Я говорю – а что это? Она говорит – а что такое? И я не смог сказать. Не смог. Потому что если бы сказал – пришлось бы рассказать всё. А я не готов. Я двадцать шесть лет не готов.

Я сказал что приеду. И три дня не ехал. Придумывал отговорки: машина не на ходу, хотя была на ходу; надо сдать статьи, хотя сдал я их ещё в понедельник; то одно, то другое. На самом деле я просто сидел и не мог заставить себя. Я ходил по квартире. Курил на балконе хотя бросил пять лет назад, пришлось купить пачку. Смотрел в интернете про этот лагерь – три ссылки, одна удалена, вторая от две тысячи девятнадцатого года, третья не открывалась. Позвонил в полицию, написал заявление. Через неделю пришёл ответ – девушка совершеннолетняя, уехала добровольно, оснований для розыска нет. Я позвонил ещё раз, спросил фамилию того кто отвечает, мне не сказали. И тогда я собрал рюкзак. Положил воду, бутерброды, нож, диктофон, фонарь. Как будто в поход. Смешно – я никогда не хожу в походы, я на второй этаж поднимаюсь с одышкой. Но я собрал и поехал. На четвёртый день. Утром. Даже маме не позвонил. Она думала что я на работе.

Деревня называется Глухари, и я это название ненавижу с детства. Потому что оно как будто специально – глухое, тёмное, душное. Сейчас там живёт человек двадцать, если не меньше. Магазин закрыли лет десять назад, автобус ходит раз в сутки. Я вышел на остановке – а остановка это просто столб с табличкой – и первое что почувствовал, это тишину. Не деревенскую тишину, не такую как в городе когда ночью, а другую. Как будто кто-то взял и выключил все звуки. Даже птиц не было слышно. Я стоял и слушал. Минуту, две, пять.

Ничего. Только своё дыхание и ветер в проводах. Я потом в городе специально прислушивался – там всегда что-то есть, машины, люди, лифт, соседи. А тут ничего. И от этой тишины у меня начало звенеть в ушах. Я потом узнал что в Глухарях даже собаки не лают по ночам. Собаки уходят. Все собаки уходят из этой деревни. И кошки тоже.

Дом наш стоит. Я к нему не подошёл. Стоял на дороге и смотрел минут двадцать. Крыша просела, краска облезла, забор повалился, но стоит. Окна целые, ставни закрыты. Я думал зайти. Даже сделал шаг. И остановился. Не знаю почему. Просто не смог. Как будто там что-то ждало. Как будто если я зайду, то уже не выйду. Я постоял ещё, докурил, бросил бычок в траву и пошёл дальше. К магазину. Магазин не работает, но лавочка осталась, и на лавочке сидела старуха. Я её не узнал, она меня тоже. Я сказал – здравствуйте, я Илья, Смирновых сын. Она сказала – а. И замолчала. И мы так сидели минут пятнадцать, пока я не набрался смелости показать ей фотографию Лизы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.